

ХАРЬКОВЪ.

12-го апреля 1897 года.

Въ тѣ Святые дни, когда весь Православный міръ будетъ праздновать Воскресенье Спасителя, греческія войска, находящіеся подъ начальствомъ королевича Константина, будутъ драться съ турками и — почему знать? — быть можетъ, въ ту торжественную минуту, когда въ православныхъ храмахъ раздадутся слова: *Христосъ Воскресе*, нѣкоторые изъ грековъ придется поблужать въ ожесточенной борьбѣ съ мусульманами. Дай Богъ, чтобы этого не случилось! Дай Богъ, чтобы греческіе солдаты, съ которыми бьется Эдхемъ-паша, провели тихо и спокойно Великую пасхальную ночь!

Но тяжело думать, что ея святая и торжественная тишина можетъ быть нарушена и оскорблена ружейной перестрѣлкой, ожесточенной канонадой, стономъ раненыхъ... Какъ далеки даже христіанскіе народы отъ осуществленія того идеала, который заветчанъ человечеству въ пѣснопѣвн ангеловъ, возвѣстившихъ вѣдлемскимъ пастырямъ о рожденіи Бога человека: *Слава въ Вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ человѣчествѣ благоволеніе*. На землѣ доселѣ нѣтъ мира, по крайней мѣрѣ, прочнаго и надежнаго мира, да и какъ быть ему, если его нѣтъ въ сердцахъ нашихъ...

Въ горѣ и уныніи встрѣтитъ маленькая Греція Свѣтлый Праздникъ. Не оправдалась ни одна изъ ея надеждъ на войну. Она рассчитывала на распадѣніе европейскаго концерта, на поддержку Англіи и на заступничество Франціи — и промахнулась въ своихъ расчетахъ. Она рассчитывала на возстаніе грековъ въ Македоніи, Египтѣ и въ Малой Азіи, — но возстанія не произошло. Она думала, что царегардагскіе фанариоты послѣдуютъ примѣру константинопольскихъ армянъ и произведутъ безпорядки на берегахъ Босфора, но и этого не случилось. Греція смотрѣла на Турцію, какъ на злѣе, заваленное порохомъ. Она хотѣла бросить въ пороховъ пылающій факелъ и сразу взорвать Оттоманскую имперію на воздухъ, но въ ней оказалось меньше горячаго матеріала и больше устойчивости, чѣмъ предполагали аѳинскіе демагоги. Этими и объясняется столь печальная для грековъ развязка начатой войны. Они, очерта, голову, кинулись въ воду и тѣмъ самымъ обрели себя на пораженіе. То, что переживаетъ въ настоящее время Греція, является прямымъ послѣдствіемъ ея политической анархической, бесцельной королевской власти и безобразнаго эллискаго парламентаризма, сводящагося, въ концѣ концовъ, къ тираніи тайныхъ обществъ и къ самодержавію уличной толпы, руководимой политическими фанатиками и авантюристами революціоннаго пошиба. Что же касается до массы греческаго населенія, то она, конечно, беззастѣночно увлекается страстными мечтами о возрожденіи старой Греціи, ея величія, славы, обаянія культурнаго

блеска. Лучезарное прошлое древней Эллады и Византійской имперіи отуманило головы грековъ. Маленькое греческое королевство избилуетъ невоздѣланными пустырями, поражаетъ жалкимъ развитіемъ промышленности, страдаетъ отъ недостатка и плохого устройства дорогъ. Въ Греціи почти нѣтъ богатыхъ грековъ. Ихъ можно встрѣтить въ южной Россіи и въ Турціи, но никакъ не въ Греціи. Вообще, греческое королевство не оправдало тѣхъ ожиданій, которыя на него возлагались. Греки оказались не подготовленными къ созданію самостоятельной, культурнаго государства. Греческая администрація прожальная, греческіе разбои сдѣлались притчей во языцѣхъ. Это не мѣшаетъ панэллинизму стремиться къ территориальнымъ захватамъ и грезить о нихъ. Если бы имъ дать волю, они присоединили бы къ Греціи и Константинополь, и всю Европейскую Турцію, и Малую Азію, и Сирію вмѣстѣ съ Палестиною.

Конечно, Россія не можетъ почувствовать панэллинизма, напоминающему лягушку, которая хочетъ сравняться съ волокомъ. Греки видятъ въ исторіи оправданіе своихъ притязаній, но если-бы все государства, бывшія нѣкогда сильными и великими, вѣдвали требовать себя то, что имъ прежде принадлежало, для удовлетворенія ихъ претензій пришлось бы переѣздить карту Европы до неузнаваемости. Что, если-бы, напримѣръ, Италія выразила желаніе прибрать къ своимъ рукамъ все, что принадлежало Риму временъ императоровъ? Отъ осуществленія такой грезы не поворовились бы и Греція. Но итальянцы не мечтаютъ о возстановленіи римской монархіи, а если-бы стали мечтать, то ничего не вызвали-бы, кромѣ смѣха. Исторія — исторія, а современность — современность и справедливость — справедливость. Современная дѣйствительность греческаго королевства не оправдываетъ честолюбивыя притязанія панэллинистовъ. Не на ихъ сторонѣ и справедливость. Если-бы Россія потакала имъ, она тѣмъ самымъ обездолила-бы славянъ Балканскаго полуострова и пожертвовала-бы интересамъ своего сто двадцати миллионнаго населенія въ угоду грекамъ.

Не поощряя греческаго эгоизма и политическихъ страстей грековъ, Россія не можетъ, однако, забыть религиозныхъ и культурныхъ узъ, которыя соединяютъ ее съ Греціей. Россія всегда была и будетъ защитницей и покровительницей греческаго народа. Возставая противъ захвата Крита греками и, вообще, противъ воинственнаго задора аѳинскаго кабинета, Россія ни мало не измѣняетъ своей традиціонной политикѣ, направленной ко благоу всѣхъ православныхъ народовъ Востока. Въ данномъ случаѣ Россія является лишь охранительницею общаго мира, исходя изъ того убѣжденія, что теперь еще не время приступать къ рѣшенію Восточнаго вопроса. Дозволивъ Турціи принять вызовъ грековъ и на-

чать съ ними войну, Россія была далека отъ мысли обречь грековъ на всѣ будущія этой войны и отдалъ ихъ, въ случаѣ пораженія, „на потокъ и разграбленіе“ туркамъ. Россія смотритъ на турецкаго султана, какъ на государя, уполномоченнаго всею Европою положить конецъ попыткамъ грековъ вызвать пожаръ на Балканскомъ полуостровѣ. Сражаясь съ арміей королевича Константина, Эдхемъ-паша исполняетъ такую же миссію, какую исполняютъ эскадры и отряды великихъ державъ, посланные для умиротворенія Крита, — миссію поддержанія statu quo на Востокѣ и устраненія такихъ осложненій на Востокѣ, которыя могли-бы повести за собою общеевропейскую войну. Перейдя въ наступленіе, Эдхемъ-паша можетъ безъ особаго труда занять оессалийскую равнину, центральныя области Греціи и, наконецъ, Аѳины. Какъ держава-побѣдительница, Турція будетъ имѣть право продиктовать Греціи свои условія мира. Нѣтъ, однако, никакого сомнѣнія въ томъ, что Россія явится въ рѣшительную минуту посредницей между Турціей и Греціей и не допуститъ турокъ воспользоваться всѣми выгодами своего положенія. Какъ только Греція отвергнетъ свои войска съ Крита и подчинится требованіямъ Россіи и другихъ державъ, греко-турецкая война будетъ окончена. Вліяніе Россіи стоитъ такъ высоко въ Константинополѣ, что нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что султанъ безпрекословно исполнитъ при заключеніи мира съ Греціей совѣты Россіи. Россія нужно не униженіе Греціи и не уменьшеніе ея территоріи, а поддержаніе законности и порядка на Востокѣ. Греція негодуетъ на Россію, но совершенно напрасно. Та широкая автономія, которую предполагается надѣлать кандіотовъ, какъ нельзя больше, гарантируетъ ихъ гражданскую свободу и развѣ навсегда устранивъ всякія притѣсненія православнаго населенія Крита. Конечно, Греція хлопочетъ теперь не объ одномъ Критѣ, но и о расширеніи своей территоріи на Балканскомъ полуостровѣ. Но отъ всякихъ плановъ, направленныхъ къ этому расширенію, ей придется отказаться.

15-го апрѣля прѣѣдетъ въ Петербургъ австрійскій императоръ Францъ-Иосифъ въ сопровожденіи своего племянника эрцгерцога Оттона, будущаго монарха Габсбургской имперіи, и графа Голуховскаго, ея министра иностранныхъ дѣлъ. Прѣбываніе императора Франца-Иосифа въ Петербургѣ будетъ имѣть прежде всего значеніе отвѣтнаго визита Его Величеству Императору Всероссийскому. Въ данномъ случаѣ, однако, нельзя видѣть только акта вѣжливости. Личное сближеніе между Государемъ Императоромъ и императоромъ австрійскимъ, свидѣтельству о добрыхъ отношеніяхъ двухъ Дворовъ, не можетъ не имѣть политическаго характера и не провозвѣститъ впечатлѣнія на всю Европу. Еще сравнительно недавно Австро-

Венгрія не скрывала своей неприязни къ Россіи, и только въ послѣдніе годы стала держать себя иначе и избѣгать по возможности всего того, что можетъ раздражать Россію. Вѣнскій кабинетъ уже не возлагаетъ теперь на Тройственный союзъ такихъ широкихъ ожиданій, какими прежде были исполнены, и, сильно разочаровавшись въ Германію, старается обезпечить себя отъ всякихъ случайностей собственною инициативой. Разумѣется, и теперь интересы и цѣли Австро-Венгрии во многомъ диаметрально противоположны интересамъ и цѣлямъ Россіи, и это не можетъ не отражаться на междунароныхъ дѣлахъ. Тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ. Еще не такъ давно нельзя было и думать о взаимныхъ посѣщеніяхъ императора австрійскаго и Императора Всероссийскаго, и это обстоятельство, безспорно, указываетъ на переѣмъ въ группировкѣ державъ. Заграничная печать единодушно признаетъ политическое значеніе ожидаемаго событія, особенно, въ виду смуты, происходящей на Востокѣ. Эта смута не можетъ не тревожить Австро-Венгрии, ибо все то, что происходитъ на Балканскомъ полуостровѣ, касается весьма жизненныхъ интересовъ Дунайской монархіи. До сихъ поръ, однако, еще не вынашивала та точка зрѣнія, которую усвоилъ себѣ вѣнскій кабинетъ на армянскій вопросъ и на греко-турецкую войну. Присланиваясь доверительно уклончивой политикой, графъ Голуховскій не разъ давалъ поводъ подозревать австро-венгерское правительство въ сочувствіи къ англійскимъ проискамъ и планамъ, направленнымъ къ тому, чтобы добиться раздѣла Турціи. Вѣсѣмъ извѣстно, что Австро-Венгрия очень хотѣла-бы на всегда присоединить къ себѣ Боснію и Герцеговину и завладѣть тою частью Македоніи, которая соединяетъ оккупированныя провинціи съ Эгейскимъ моремъ. Салоники, порту которыхъ, какъ лекалему противъ Суэскаго канала, принадлежатъ такая блистательная будущность, уже давно составляли предметъ страстныхъ вожделѣній австрійскихъ государственныхъ людей, мечтавшихъ о возмщеніи потерь, понесенныхъ Австріей въ Италіи, территориальными приобрѣтеніями на Востокѣ. Само собою разумѣется, что Россія не можетъ сочувствовать этимъ вожделѣніямъ. Съ русской точки зрѣнія, Боснія и Герцеговина находится лишь временно подъ властью австрійскаго императора. Что-же касается до Салоники, то Россія никогда не согласится, чтобы онѣ принадлежали Австро-Венгрии. Не смотря на то, вѣнскому кабинету слѣдовало-бы безъ всякой задней мысли поддерживать миролюбивую политикую Россіи на Востокѣ. Видно, если дѣло дойдетъ до раздѣла Турціи, которую принято называть *болыиимъ челоомъ*, то вслѣдъ за тѣмъ на очередь станеть и вопросъ о раздѣлѣ земель, принадлежащихъ болыиой и, притомъ, тяжко *болыиой женщины* Австро-Венгрии.

Вѣнскому кабинету не слѣдуетъ упускать изъ виду этого соображенія и держать такого образа дѣйствій, который можетъ гибельно отразиться на будущности многоплеменной и разноязычной Габсбургской монархіи, могущей распасться при первомъ же серьезномъ испытаніи ея крѣпости и устойчивости. Покойный русскій канцлеръ, князь А. М. Горчаковъ, разъ какъ-то сказалъ, что Австро-Венгрия не географическій и не этнографическій терминъ и даже не государство, а только правительство. Вторая часть этого афоризма, конечно, не болѣе, какъ мѣткій и остроумный пародоксъ. Австро-Венгрия — государство, но чисто искусственное и плоское сколоченное государство, существующее единственно въ силу внутреннихъ и междунароныхъ компромиссовъ. Между составными частями Австро-Венгрии гораздо болѣе взаимно отталкивающей силы, чѣмъ силы сдѣлленія и тяготы. Австро-Венгрия существуетъ лишь потому, что Германія и Россія не столковались между собою какъ въ сколоченное государство, существующее единственно въ силу внутреннихъ и междунароныхъ компромиссовъ. Между составными частями Австро-Венгрии гораздо болѣе взаимно отталкивающей силы, чѣмъ силы сдѣлленія и тяготы. Австро-Венгрия существуетъ лишь потому, что Германія и Россія не столковались между собою какъ въ сколоченное государство, существующее единственно въ силу внутреннихъ и междунароныхъ компромиссовъ.

Нельзя не пожелать, чтобы обмѣнъ мыслей между австро-венгерскимъ и русскимъ министрами иностранныхъ дѣлъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ усвоеніе вѣнскимъ кабинетомъ русской точки зрѣнія на необходимость достигнута умиротворенія Востока и улучшенія участи турецкихъ христіанъ безъ разрушенія Оттоманской имперіи и безъ войны.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ напомнить читателямъ кое-какія данныя о генеалогіи и жизни Франца-Иосифа.

Въ августѣ текущаго года ему исполнится 67 лѣтъ. Онъ родился въ Шембрунѣ въ 1830 году и вступилъ на престолъ въ концѣ 1848 года, 18-ти лѣтъ отъ роду, послѣ вынужденнаго революціей отреченія отъ короны его дяди, императора Фердинанда. Императору Фердинанду долженъ былъ наследовать его братъ, эрцгерцогъ Францъ-Карлъ, отецъ Франца Иосифа, скончавшійся въ 1878 году, но онъ отказался отъ своихъ правъ въ пользу сына. Кромѣ австрійской крови, въ жилахъ Франца-Иосифа течетъ и баварская кровь, такъ какъ мать его, эрцгерцогиня Софья, была урожденная принцесса Баварская. Императоръ Францъ-Иосифъ состоитъ въ супружествѣ съ императрицей Елизаветой, рожденной принцессой Баварской. У нихъ есть двѣ дочери: эрцгерцогиня Гизела, состоящая въ супружествѣ съ Леопольдомъ Баварскимъ, и эрцгерцогиня Марія-Валерія, состоящая въ супружествѣ съ австрійскимъ эрцгерцогомъ Францемъ-Сальваторомъ. Сынъ императора Франца-Иосифа, эрцгерцогъ Рудольфъ, скончавшійся въ 1889 году, былъ въ супружествѣ съ принцессой Сте-

фаніей, рожденной принцессой бейгійской. Послѣ него осталась дочь эрцгерцогиня Елизавета. Въ августѣ текущаго года ей исполнится 14 лѣтъ. Отъ обѣихъ дочерей императора Франца-Иосифа имѣетъ и внуковъ и внучекъ. — Исходные моменты его политической дѣятельности всѣмъ извѣстны: они совпадаютъ съ исходными моментами исторіи Австріи за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ. Въ самомъ началѣ своего царствованія онъ пережилъ всѣ ужасы революціи 1848 года, съ которой справился единственно благодаря вѣрности хорватовъ и великодушнй помощи Императора Николая Павловича, взявшаго на себя усмирненіе венгерскаго возстанія. Въ первой половинѣ 50-хъ годовъ Австрія примкнула къ врагамъ Россіи, а въ 1859 году она, послѣ неудачной войны съ Франціей, лишилась Ломбардіи. Семь лѣтъ спустя австрійскія войска были разбиты въ пухъ и прахъ пруссаками и императоръ Францъ-Иосифъ долженъ былъ подписать трактатъ, въ силу котораго германскій союзъ упразднился, а Австрія утрачивала Венецію и отказывалась отъ всякихъ притязаній на прибалтійскія герцогства. Вообще, въ первый 20 лѣтъ своего царствованія императоръ Францъ-Иосифъ испыталъ много политическихъ невзгодъ. За послѣдніе 30 лѣтъ онъ былъ, какъ политикъ, гораздо счастливѣе. Въ 1867 году онъ достигъ примиренія съ венграми на началахъ безусловнаго дуализма, благодаря которому Австрія превратилась въ Австро-Венгрію. Въ 1868 году императоръ Францъ-Иосифъ короновался въ Офенѣ, какъ король венгерскій. Съ 70-хъ годовъ онъ усвоилъ себѣ систему Drang nach Osten, которую настойчиво рекомендовалъ Австро-Венгрии князь Бисмаркъ въ замѣнъ утраченной, понесенныхъ ею за Альпами и между германскими государствами. Императоръ Францъ-Иосифъ скоро сдѣлался ревностнымъ сторонникомъ этой системы, обмѣны руками ухватился за оккупацию Босніи и Герцеговины, желая вознаградить свою монархію за потерю Ломбардіи и Венеции. Въ 1879 году императоръ Францъ-Иосифъ заключилъ союзъ съ Германіей, который легъ въ основу Тройственного союза въ его первоначальномъ и послѣдующемъ составѣ.

Много пришлось испытать и пережить императору Францу-Иосифу и не разъ ему случалось вырывать изъ души свою монархію путемъ искуснаго приспособленія къ обстоятельствамъ и разнымъ искусственнымъ комбинаціямъ.

О христіанствѣ въ исторіи.

Въ дни Святой Пасхи наша мысль невольно обращается къ великому, вѣчному и всемірно-историческому значенію Евангелія, — къ значенію той благой вѣсти, которую познали люди отъ Спасителя и которую Онъ запечатлѣлъ Своєю Кровью и закрѣпилъ цѣлымъ рядомъ чудесъ, величайшими же изъ нихъ были чудо Рожденія и чудо Его Воскресенія.

Новѣйшія историческія изысканія доказываютъ, что смутное предчувствіе какаго-то великаго событія было распространено по всей землѣ въ эпоху, предшествовавшую воплощенію Бога Слова. Это подтверждается, между прочимъ, китайскими лѣтописями, — лѣтописи народа, не имѣвшаго никакихъ сношеній съ Палестиной и ничего не знавшаго о ней. Не задолго до начала христіанской эры, всѣ древній міръ переживалъ духовное томленіе и ожидалъ пришествія какаго-то полубога, какаго-то сверхъестественнаго существа, которое должно было облагодѣтельствовать всѣ народы. Это опять таки подтверждается тѣмъ же китайскими хрониками. Изъ этого видно, что Спасителя ожидалъ не только Богъ избранный Израиль, но и міръ языческій, утрачивающій память о первоначальномъ исканіи Иего въ высочайшемъ Воплощеніи Сына Божьяго, сошедшаго на землю, чтобы спасти людей, и провозгласить и дать людямъ благодать и Истину, было исходнымъ, помысливъ пунктомъ въ судьбахъ челоовѣчества. Мы не знаемъ аполло-рикской имперіи и не переселеніи народовъ, заканчивающія древняя исторія, какъ, учить, до сихъ поръ, большинство историковъ. Рожденію Христову, вѣсть, начало второй, нынѣшней половины всемірной исторіи, и не даромъ мы ведемъ отъ него свое лѣтоисчисленіе.

Для объясненія общаго смысла исторіи существуетъ безчисленное множество взаимно противорѣчивыхъ теорій и системъ. Съ христіанской и вмѣстѣ съ тѣмъ строго научной точки зрѣнія никакимъ недоразумѣніемъ тутъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста. Исторія челоовѣчества распадается на двѣ эпохи: на дохристіанскую и христіанскую. Въ дохристіанскую эпоху только одинъ народъ, жившій замкнутою жизнью и не имѣвший видной роли въ судьбѣ древняго міра, удержалъ Божественное Откровеніе, какъ великую святыню, которую ему было заповѣдано хранить Промисломъ. Остальныя народы были погружены въ язычество и старались оупуно, своими собственными силами найти разгадку жизни и проникнуть въ тайны бытія.

Работно, деспотизмъ, страшный развратъ, безумная роскошь на ряду съ самымъ убогаго нищетою, тоска и безнадѣжное отчаяніе — таковы были плоды греческой и римской цивилизаціи. Христіанство спасло погибшее челоовѣчество и навсегда указало ему тѣ путь, по которымъ оно должно идти. До Иисуса Христа глубокой, таинственной смыслъ всемірной исторіи сводился къ постепенному приоткрытію челоовѣческаго рода къ воспріятію Евангелія, потому же къ его распространенію и усвоенію всѣми племенами земными. Короче говоря, и до Спасителя и послѣ Него смыслъ всемірной исторіи заключался въ борьбѣ Истинъ съ тьмою. Но что есть истина? спрашиваютъ многие и въ настоящее время. Для насъ, христіанъ, этого вопроса, предложеннаго Платономъ передъ лифемъ самой Истинъ, не существуетъ. Мы знаемъ, гдѣ Она и въ чемъ Она заключается. Вся наша задача состоитъ въ томъ, чтобы проникнуть въ Истину, положить ее въ основу своей личной жизни и своей общественной дѣятельности. Къ этому же сводится и задача всѣхъ христіанскихъ народовъ. На нихъ лежитъ священная обязанность не только самимъ стремиться къ осуществленію христіанскаго идеала, но и распространять христіанство, христіанскія воззрѣнія, христіанскую любовь и христіанское милосердіе по всему земному шару. Весь смыслъ грядущихъ судьбъ челоовѣчества сводится къ воспріятію Евангельскихъ Истинъ и Евангельской этики. Къ этому сводится и сущность, такъ называемая, прогресса; только тотъ прогрессъ, который соединяется на христіанскихъ началахъ, велеть людей къ личному и общественному благоу, къ свѣту и счастью; прогрессъ же, который не будетъ озаряться христіанствомъ, не утѣлитъ духовной жажды народовъ и неминуемо

СЪ ВЫСОТЫ ПАРНАСА.

XIII.

Подъ шумный звонъ колоколовъ, Въ ночь подъ Христово Воскресенье Услышъ Комаръ и много словъ Ему послало Провидѣнье. А такъ какъ мысли Комара Вѣсь день томилась заботой — Гдѣ взять сюжетовъ для пера, — То, лишь подурливая дремотой Его глаза, нестройной рой Сюжетовъ самыхъ злободневныхъ, Веселыхъ, радостныхъ, плачевныхъ, Предъ нимъ почался съ быстротой; И (хоть и странно то виднѣе) Въ ночь подъ Христово Воскресенье — Вновь Мефистофель передъ нимъ Стоялъ со смѣхомъ флѣкимъ, злымъ, Съ рѣчами, полными презрѣнія, Гражданской скорби и ума, Полуначальнаго глумленія Надъ всѣмъ, чѣмъ управляетъ тѣма. Комаръ, оправасъ, сколько могъ, Въ такой вступилъ съ нимъ діалогъ:

Комаръ.

Скажи, — какой всецѣльной властью Ты могъ сюда явиться, бѣсъ, Когда конна нѣтъ въ мірѣ счастья; Когда хоръ ангеловъ съ небесъ Побѣду духа возвѣщаетъ И сердце смертнаго еда Въ себѣ восторгъ святой вымѣщаетъ...

Мефистофель.

Слова... слова... слова... слова... Мой другъ, безъ тѣни нѣтъ свѣта И вотъ, какъ тѣнь, явился я Выхъ въ строки твоего куплета Смѣхъ надъ извѣстной бытія. И если я посѣлъ явиться Въ такую ночь, когда кругомъ Все жаждетъ вѣрять и молиться, — Не самъ-ли ты виновенъ въ томъ? — Я — духъ анализа, сомнѣнія, А этотъ духъ съ тобой всегда И даже въ ночь подъ Воскресенье Уйти не можетъ нигуда. Тебя я, впрочемъ, успокою: Я не зловерный да бѣсъ, И если посреди небесъ Я не былъ принятъ, то виною Всею — колокой мой языкъ; Ничей онъ власти не привыкъ Покорнымъ бытъ. Еще два слова: Явившись, увѣковъ и суровъ, Не трогать ничего святого, Тебѣ я слово дати готовъ. И уважаю убѣжденія, Хотя бы ихъ не раздѣлялъ; Къ тому жъ на свѣтѣ я встрѣчалъ Тѣхъ, гдѣ свѣтъ явленъ, что, право, было бы жестоко Направить въ нихъ сестры стрѣлы; Я отыскаю много лѣно Характера много дѣло Хотѣлъ бы я тебѣ помочь, Увидѣть, милый, на мгновенье, Что даже и въ такую ночь Людямъ владѣть вожделѣніемъ Къ наживѣ; что и въ этотъ часъ, Въ часъ, когда все должно быть свято, —

Огонь нечистый не погасъ Въ пучинѣ и челоовѣчествѣ...

Оставъ потокъ крѣпкихъ словъ, Скажи мнѣ проше и прямѣе — Зачѣмъ являешься ты вновь, И что за дикая идея Въ ночь Воскресенія Христа, Того, чье Имя не дерзуютъ Произнести твои уста, — Прийти сюда?

Мефистофель.

Пусть не пугаютъ Тебя слова мои: вѣдь, я Предупреждаю, что посѣжуся Лишь надъ извѣстной бытія И темъ высокихъ не коснуся. Къ тому жъ я пришелъ съ собой Подарковъ выборъ прелестный — Великолѣпные сюрпризы! На Пасху принято дарить, Ты ими можешь угодить На всевозможные капризы: Я постараюсь, чтобы подарковъ Оригинальнѣе бытъ и ярче.

Такъ молвилъ бѣсъ и протянулъ Съ улыбой, полною глумленія, Дары. Раздался стукъ и гулъ, Вкругъ Комара въ одно мгновенье Явилось множество дѣлывовъ, Ученыхъ обществъ, учреждений, Различныхъ видовъ удалцовъ; Всѣ были полны вожделѣній, Всѣ ждали мнѣ отъ Комара Золотушечъ отъ Комара. Вотъ *Балишеская дорога*, На кустыляхъ, хрома, убога, Когда — какъ бродячка къ Комару, Воинъ: «Ой, батюшки, умру! Ой, смерть пришла! Трещать вагоны, Ломасть шпалы и винты, Локомотивы съ высоты Летятъ и слышны вопли, стоны! Тотъ безъ руки, тотъ безъ ногъ... Голубчикъ, скажись, помоги!» Такъ Балишеская дорога Вошла, спира и убога. Комаръ тотчасъ похвѣлъ въ мѣшокъ (Онъ былъ вѣжливѣе, глубока) И вынулъ писанку; вымѣчала Подарковъ писанка не мало: Въ ней были маза и бинты, Очки для служащихъ дороги И мавзолей, и кресты Для тѣхъ, что протянули ноги; Въ ней были и стрѣлочники — Макаръ, (Распространенный экземпляръ), Что пишки на себя приклемля, Являя кротости примѣры, Тогда какъ баринъ инженеръ, Неуживя, спокойно дремлетъ. Еще Комаръ дорожъ далъ Просторный каменный вокзалъ.

Затѣмъ явился рой бездольный Изъ тѣхъ, что *бѣлѣй добровольной*, Своихъ патроновъ возлюбя, За девять мѣсяцевъ себя Липшихъ очамъ направила. Полны печали и смущенія, Они въ радужныя роковыя Стояли въ предѣлахъ Комаровъ. Ихъ энергичные братья, Доведши дѣло до суда, Въ...

А ихъ заставила нужда Скорѣе взять синицу въ руки, Чѣмъ журавля слѣдить полетъ. Въ далекихъ небесахъ, — и вотъ Они, исполненные муки, Съ великой завистью глядятъ, Какъ братья журавля вѣдятъ. Глядя на горе ихъ такое, Комаръ за писанкой полѣзъ. И вынулъ *сердце золотое Патрона изъ*, патронъ тотъ — Крѣзь, И какъ Комаръ вопли въгнѣвъ, Теперь Сенатомъ убѣжденъ, Лишась, конечно, не намерѣвъ Ихъ капиталовъ должныхъ, — «Возмѣти сердце! — можетъ стать, Для васъ раскроется оно, — Когда способно раскрываться — И вы, съ собратями равно, За годъ получите оклады» — Но мало видѣли отрады Въ такомъ подаркѣ бѣдняки И, отъ иллюзий далеки, Ушли печальною толпою, Поникнувъ грустно головами...

Прѣдъ Комаромъ ядрутъ тѣнь явившая: То былъ *покойный клубъ грачей*; Снѣные Рентгена лучей Вкругъ Комара его струились, Въ его очахъ горѣлъ укоръ. И онъ вопилъ: «Позоръ! Позоръ! Я, славныхъ медиковъ ребенокъ, Безъ сожалѣнія убитъ, Не выйдя даже изъ пеленокъ! Меня убили не дифтеріей, Не корь, не тифъ, не воспаление, Не яростной чумы микробъ. На утрѣ дѣло вознало въ гробъ. Меня врачей раздѣленіе, Ихъ вѣчныхъ пламенныхъ раздоръ, Ихъ распри вѣчныя... Позоръ! Они, забывъ о медіцинѣ, Навѣявъ рады всѣ служить И въ ложѣ olei ricini Другъ дружку жаждутъ потопить»... Такъ призракъ докторскаго клуба Скорѣй въ распахъ докторовъ И скорѣе его была сугуба. Комаръ, не трата лишншихъ словъ, Тотчасъ же сыровотку создалъ. И докторамъ бесплатно роздалъ; Въ томъ роль лекарства состоитъ, Чтобъ убивать *микробъ наживный*, Смотря въ злой алчности пороки, Держать въ границахъ аппетитъ. Сіе лекарство, доктора, Принять другъ дружкѣ вамъ пора.

Вдругъ *Финиеръ, Яковлевъ и Сальто* Предстали, полные красы: За ними тенора, контральто И баритоны и басы, Въ оравѣ бѣгущемъ, яркомъ, Явились также за подаркомъ, И вотъ что каждому Комаръ Презентовалъ, и щедръ, и яръ: *Н. М. Финиеру*. Три тысячи дамскихъ сердечъ огневыхъ, Сто тысячъ истерикъ, игрой порожденныхъ, Штутъ двадцать вѣнковъ и вещей

Миліонъ триста тысячъ хлопковъ изступленныхъ. *Л. Г. Яковлеву*. Таганы, бѣдныя Татяны, Васъ всѣхъ даю ему я въ плѣтъ! (Трещите мужнины карманы, Мужья, спасайте отъ спелъ!)... Сердечъ неоплатныхъ пожары, Вѣнки, букеты, billets doux, Восторги харьковской Тамары И прочихъ видовъ ерунду (Прощу простить мнѣ выраженіе) — Даю ему я во владычье.

Е. Сальто. Сынамъ Италіи глѣзуеи У насъ везетъ, съ давинишнихъ поръ; Найдеть онъ въ душахъ радъ со звучіи, И сердце полонитъ, и взоръ; Получитъ, какъ и всѣ, подарки, Но — чтобы вполнѣ былъ счастливъ онъ, —

Пришло отъ душией я кухарки Ему фунтъ лучшихъ макароновъ. *Женскому персоналу*. Плѣнныи скорѣ Комара Своєю рѣсней и игрою, Чтобы изъ подъ его пера Хвалы струились волюю! Такой спасительный совѣтъ Имъ отъ души дасть поэтъ. *Г. Любимю и Салтыкову*. Имъ гарантировать готовъ Я превосходнѣйшіе сборы; Надѣюсь, отъ подобныхъ словъ Растаютъ милые сыновья. Желая всѣмъ такимъ имъ благъ И, рвенѣе къ дарамъ обѣщать, Дарю имъ каждый день аншлакъ, Гласящій: «всѣ билеты взыты».

Пародоводыи музей. — Дитя профессора Краснова — Предстать предъ Комаромъ. Ей ей Комаръ и долго, и толково Свой даръ музею обсуждалъ. И, наконецъ, въ подарокъ далъ *Духъ допотопнаго челоовѣка*. Изъ *Новоселовъ милой*: Намъ поучительнѣй Агтековъ Она. Среди ночи вѣковой Безъ просвѣщенія, безъ культуры, Нашъ новоселовецъ живетъ И между ними есть натуры, Что составляютъ переходъ Отъ челоовѣка къ обезьянѣ. За нихъ (въ томъ убѣжденъ заранѣ) Дождемъ признательнаго слова Я отъ профессора Краснова.

Плѣная силой и красотой, *Атлетическая попка* передо мной Стояла; въ рукахъ ихъ гири, штабы, (Была-бы тутъ катаніи рима, «бабы».) Но не могу-же я назвать Атлетическаго! Понятно, Привыкъ я мысли выражать, Какъ вѣсногнѣвецъ, деликатно, Къ тому жъ — коль самъ ты не атлетъ, То лучше не шути съ атлеткой, Вручи тебѣ охоты нѣтъ. Варилъ битой сладости котлеткой, Атлеткамъ — барышнямъ Комаръ

А дамы искренно желаютъ Тѣмъ силу мускуловъ развить, Чтобы можно было поступить Съ супругомъ такъ, какъ посту- паешь.

Любая съ гирей фунтовой, Верти ее передъ собой. * * * Такъ неслась предо мной безъ конца вереница: Уреженія, служебныя, частныя липа, Даже страны, и имъ всѣмъ Комаръ по привычкѣ Подписалъ съ содержаніемъ различ- нымъ яничко. Было-бъ долго теперь всѣхъ ихъ въ пѣсню вымѣчать, Кой о комъ, впрочемъ, должнѣ, хоть кратко, сказать:

Визитерамъ. Сапогъ съ подошвою стальною И неравнѣйшій рубль на чай; Другъ-визитеръ! Ты сильно, чай, Доволенъ прелестью такою? *Харьковскому водопроводу*. Неужъ я въ даръ водопроводу Безъ примѣсъ малѣйшей воды Изъ заль думъ городской, Гдѣ та вода текла волной И гдѣ (такъ истеря ведется) Избавитъ въ ней всегда найдется.

Греціи. Приходитъ нынѣ выпѣ поэтъ Отъ храбрыхъ грековъ въ восхи- шенные Свѣтъ. И презентуетъ въ поощреніе *Крыжовникъ москитъ или портретъ*. Ея нужней жизни элексиръ, Но такъ какъ нѣту виталину, То я ей шлю въ подарокъ *миръ И непостоянну колючку*.

ПАСХАЛЬНЫЕ ЭСКИЗЫ.

